

ТАТЬЯНА
ВОРОЖЕЙКИНА

Аргентинский маятник

С 1930 года Аргентина вступила в длительный период политической нестабильности, чередования военных диктатур и кратковременных, неустойчивых демократических правительств, который продлился следующие полвека – до 1983-го. За это время девятнадцать лет у власти находились военные, тринадцать – перонистский корпоративистский режим, и еще девятнадцать пришлось на ограниченную демократию, когда сохранялись некоторые конституционные нормы, но были запрещены партии большинства: Гражданский радикальный союз (Unión Cívica Radical) – в 1930-е и Перонистская (Partido Peronista) – в 1960-е. В этот период почти все избранные на всеобщих выборах президенты были свергнуты в результате военных переворотов: после 1928 года следующая

ПРЕВРАТНОСТИ
МЕТОДА

передача власти от одного избранного на всеобщих выборах президента к другому, которая происходила в условиях либерально-демократического режима, состоялась только в 1989-м, когда радикал Рауль Альфонсин передавал власть перонисту Карлосу Менему¹.

Подобные колебания политического маятника были чрезмерными даже по латиноамериканским меркам. Тем более удивительными они кажутся для страны, население которой на протяжении большей части своей истории с презрением и свысока смотрело на своих соседей, считая себя, по выражению Хорхе Луиса Борхеса, «европейцами в изгнании»². Как ни парадоксально, именно с этим, более высоким по сравнению с другими латиноамериканскими странами, уровнем социально-экономического развития Аргентины в первой половине XX века во многом связана указанная глубинная нестабильность. Аргентина одной из первых на континенте столкнулась с внутренним барьером индустриализации и исчерпанием к середине 1950-х той модели экономического развития, которая лежала в основе динамизма популистского режима.

«Насыщение внутреннего рынка для простой продукции обрабатывающей промышленности существенно ограничило возможности дальнейшей промышленной экспансии. Кроме того, первоначальная фаза индустриализации, хотя и сократила зависимость от импорта потребительских

товаров, привела к росту стоимости импорта полуфабрикатов и капитального оборудования, необходимого для производства потребительских товаров. Результатом стали растущий дефицит платежного баланса, внешняя задолженность и инфляция»³.

Выход из этого кризиса все больше представителей правящих и господствующих групп видели в вертикальной интеграции или углублении индустриализации посредством перехода к собственному производству промежуточных товаров и капитального оборудования. Это требовало резкого увеличения нормы накопления в экономике и создания высокоэффективных капиталоемких производств, как правило, при участии транснациональных корпораций, которые именно в это время начали инвестировать в латиноамериканские рынки⁴.

Такую структурную перестройку было невозможно совместить с сохранением популистской коалиции, основанной на активной социальной политике государства и перераспределении национального богатства в пользу групп трудящихся с низкими доходами, которые составляли массовый внутренний рынок для «легкой» фазы индустриализации⁵. Коалиция начала быстро распадаться со второй половины 1950-х, поскольку государство больше было не способно сочетать расходящиеся интересы «народного сектора» (городские трудящиеся и средние слои) и более динамичного

- 1 WAISMAN C. H. *Counterrevolution and Structural Change: The Case of Argentina* // *International Political Science Review*. 1989. Vol. 10. № 2. P. 161–162.
- 2 Борхес воспроизвел высказывание аргентинского мыслителя XIX века, автора либеральной Конституции 1853 года Хуана Баутисты Альберди: «Мы – европейцы, пересаженные [*trasplantados*] в Америку»: ARENES C. *Los olvidos de la memoria* // *La Nación*. 2017. 30 de enero (www.lanacion.com.ar/opinion/los-olvidos-de-la-memoria-nid1980073/).
- 3 COLLIER D. *Overview of the Bureaucratic-Authoritarian Model* // *Idem* (Ed.). *The New Authoritarianism in Latin America*. Princeton: Princeton University Press, 1979. P. 26.
- 4 Подробнее см.: Ворожейкина Т. *Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия* // *Вестник общественного мнения*. 2009. № 4(102). С. 60–61.
- 5 Подробнее см.: Она же. *Генерал Перон и справедливость без свободы* // *Неприкосновенный запас*. 2024. № 1(153). С. 178.

сложения предпринимателей, как это было при Пероне.

Новая экономическая модель требовала деактивации «народного сектора», демонтажа механизмов и каналов социального и политического действия, которые эффективно использовались им для отстаивания своих интересов в рамках популистского режима – прежде всего перонистских профсоюзов и Хустисалистской партии. Это в свою очередь оказалось несовместимым с сохранением институтов политической демократии, поскольку сила и организованность «народного сектора» были столь велики, что без его участия любые попытки демократического выхода из кризиса оказались бы заблокированными.

Могущество и укорененность перонизма среди трудящихся и нижних средних слоев, равно как и уровень его отторжения со стороны основной части средних и высших классов, были настолько высоки, что это привело к глубочайшему социальному и политическому «пату», равновесию сил, которое в течение двух десятилетий (1956–1976) порождало маятниковое движение между двумя противостоящими экономическими проектами. Социальная и политическая коалиция, поддержавшая в 1955 году свержение Перона военными, имела единственную общую цель: демонтировать созданную перонистами систему авторитарного контроля. В части позитивной программы интересы участников этой коалиции существенно расходились.

В ходе дискуссий, которые последовали за свержением Перона, позиция представителей старой элиты, связанной с сельским хозяйством и экспортной торговлей, была простой и жесткой:

корень всех проблем заключается в ошибочной, по их мнению, попытке перонизма подорвать «естественную» экономику Аргентины. Эта часть господствующих групп предлагала начать с «чистого листа» и отказаться от стратегии, приведшей к созданию излишне защищенной промышленной инфраструктуры, которая легла тяжелым бременем на сельскохозяйственное производство и поощряла преждевременное и чрезмерное, с их точки зрения, включение трудящихся в потребительский рынок. Старая элита выступала за возвращение к свободному рынку и опору на относительные преимущества аграрно-экспортного сектора, которые обеспечивали устойчивый экономический рост Аргентины до 1929 года.

В краткосрочном плане приоритетные цели традиционной элиты заключались в следующем: во-первых, осуществить экономическую стабилизацию и компенсировать растущий дефицит платежного баланса путем жесткой девальвации с тем, чтобы сократить импорт и стимулировать экспорт сельскохозяйственной продукции; во-вторых, ввести жесткие ограничения кредитно-денежной политики; в-третьих, понизить уровень заработной платы для того, чтобы привести уровень внутреннего потребления в соответствие с финансовыми возможностями страны. Долгосрочная цель заключалась в том, чтобы воссоздать структуру экономики и характер социально-политического равновесия, которые существовали в стране до Второй мировой войны⁶.

Однако после десятилетия промышленного роста и перераспределения доходов, социальной мобильности и расширения политического участия этот

6 LYNCH J., CORTÉS CONDE R., GALLO E., ROCK D., TORRE J.C., DE RIZ L. *Historia de la Argentina*. Buenos Aires: Editorial Crítica, 2002. P. 239.

проект был нереализуем. Не только политика перонистского режима радикально изменила старый порядок – в не меньшей мере он был подточен развитием промышленности, модернизацией трудовых отношений, распространением культуры и образования в народных массах. Политика перонистского режима сделала экономическую и социальную структуру более дифференцированной: рядом с землевладельческим сектором, крупным иностранным капиталом, сельскохозяйственными экспортерами, старым торговым средним классом и бюрократией возник и укрепился крупный промышленный сектор. Он был экономически слабым, зависимым от государства, от импорта сырья и капитального оборудования, но в обеспечении занятости, в организации городской экономики его социальная роль была исключительно важной.

Когда в 1955 году представители старой элиты попытались «вернуться в прошлое», они столкнулись с жестким, хотя и плохо координированным сопротивлением со стороны городского промышленного комплекса, который вырос за счет перераспределения доходов от экспорта. Если в начале 1950-х стало ясно, что легкая промышленность, ориентированная на внутренний рынок, теряет потенциал своего роста, то в 1955-м стало не менее очевидно, что попытка возврата к Аргентине, какой она была до Второй мировой войны, несостоятельна с политической точки зрения.

Изменения в обществе и экономике не уничтожили старые иерархии – скорее они наложили поверх них новый, индустриальный, порядок и связанное с ним политическое участие. В результате возникло сложное переплетение интересов землевладельцев, промыш-

ленных, средних слоев, рабочего класса, за каждым из которых стояли собственные институты. И, хотя ни один из этих секторов не мог самостоятельно осуществить трансформацию, каждый из них был достаточно влиятелен, чтобы помешать это сделать другим. После 1955 года все политические проекты в Аргентине развивались в контексте этого «негативного плюрализма»⁷.

Пришедшие к власти в сентябре 1955 года военные в идеологическом отношении отнюдь не представляли собой единой корпорации. Среди них были националистически настроенные сторонники примирения с поверженным противником. Были и те, кто решительно выступал против каких-либо сделок с «врагами демократии», которыми считались последователи Перона. После нескольких месяцев борьбы внутри «Освободительной Революции» (*Revolución Libertadora*), как торжественно был именован этот военный переворот, верх одержали сторонники «демократического возрождения» во главе с новым *de facto* президентом – генералом Педро Еухенио Арамбуру (1955–1958). Свою главную задачу он видел в том, чтобы вернуть обманутые перонистской демагогией массы в лоно демократии.

На первых порах эта задача решалась с помощью репрессий и проскрипций: после неудачной попытки объявить национальную забастовку военное правительство взяло под контроль главный перонистский профцентр, Всеобщую конфедерацию труда (*Confederación General de Trabajo*) и основные профсоюзы, официально распустило перонистскую партию и особым декретом запретило использование перонистских символов и даже упоминание имени того, кто

7 Ibid.

и в изгнании оставался бесспорным лидером движения⁸. Вместе с тем правительство Арамбуру не подавляло активность профсоюзов и не вмешивалось в коллективные переговоры с работодателями: главным образом оно стремилось изгнать перонистских профсоюзных лидеров, запретив им занимать руководящие посты, чтобы затем вернуть профсоюзы трудящимся. Из этой затеи, однако, ничего не вышло: уже на первых профсоюзных выборах, проведенных правительством в 1957 году, альянс перонистов и коммунистов получил большинство. А после того, как власти аннулировали результаты выборов, была создана новая перонистская профсоюзная конфедерация «62 организации» («62 Organizaciones»), которая стала главным действующим лицом аргентинской политики.

Миссию возвращения перонистских масс к демократии взял на себя Гражданский радикальный союз, точнее, его «непримиримая» (*intransigente*) фракция под руководством Артуро Фрондиси⁹. В 1957 году его стратегия состояла в том, чтобы предстать, с одной стороны, наследником демократических принципов «Освободительной Революции», а с другой стороны – представить сторонникам запрещенного перонизма жизнеспособную политическую альтернативу. С первых дней правительства Арамбуру «непримиримые» радикалы встали к нему в оппозицию, критикуя экономическую политику военного режима как антинародную и ориентированную на интере-

сы олигархии и империализма, а также требуя прекращения проскрипций в отношении перонистских профсоюзов.

Фрондиси стремился реформатировать политическую повестку, утверждая, что аргентинская дилемма заключается не в противостоянии перонизма и антиперонизма, а в выборе между индустриализацией и отсталостью. Он призывал к созданию национального народного фронта, в который вошли бы рабочие, национальная буржуазия, армия и католическая церковь – с тем, чтобы, объединив страну, выйти из тупика, покончить с политическим расколом и осуществить рывок в экономическом развитии.

23 февраля 1958 года при решающей поддержке Перона, призвавшего своих сторонников голосовать за Фрондиси, тот выигрывает президентские выборы, набрав 49,5% голосов. Таким образом, через два с половиной года после потери власти, находясь в эмиграции, Перон по-прежнему остается решающей фигурой, обеспечивающей политическое равновесие в Аргентине. Роль главного арбитра политической жизни страны, несмотря на все старания военных и радикалов, сохранится за вождем перонизма на протяжении всего восемнадцатилетнего изгнания.

Ключевая роль Перона в победе Фрондиси вызвала очевидное недовольство военных, которые начали было намекать, что вооруженные силы не признают легитимным президента, избранного голосами перонистов. Однако Арамбуру поспешил поздравить Фрондиси с побе-

- 8** Перона в течение его эмиграции 1955–1973 годов последовательно принимали страны с диктаторскими режимами, в том числе и наиболее одиозными: Парагвай Альфредо Стресснера, Венесуэла Маркоса Переса Хименеса, Доминиканская Республика Рафаэля Леонидаса Трухильо – наконец, в 1960-м он перебрался во франкистскую Испанию, где оставался до своего окончательного возвращения в Аргентину в 1973-м.
- 9** В начале 1957 года от Гражданского радикального союза откалывается более консервативный и умеренный Гражданский радикальный союз народа (*Unión Crítica Radical del Pueblo*) под руководством соперника Перона на президентских выборах 1951 года Рикардо Бальбина. Но большинство членов партии остались на стороне Гражданского радикального союза непримиримых (*Unión Crítica Radical Intransigente*) во главе с Артуро Фрондиси.

дой уже в день объявления результатов, подчеркнув тем самым, что он верен обещанию «революционеров 1955 года» привести страну к демократии. В 1955-м военные были уверены, что перонизм не выживет как политическая сила после свержения Перона; в 1958-м они вынуждены были смириться с политической реальностью и вернуться в казармы с тем, чтобы оттуда влиять на будущую администрацию. Так в Аргентине возникает режим ограниченной, охраняемой демократии, который просуществует до 1966 года.

В течение четырех лет своего президентства (1958–1962) Фрондиси был вынужден постоянно балансировать между двумя полюсами силы – перонистами и военными. Двухединой целью его программы было инкорпорирование перонистских масс в политическую систему и осуществление экономической трансформации. Вступив в должность, он выполняет данное Перону обещание: отменяет запрет на деятельность перонистов, объявляет амнистию, возвращает Всеобщую конфедерацию труда и важнейшие профсоюзы, взятые под контроль военным правительством, избранным перонистским руководителем, восстанавливает существовавшую до 1955 года профсоюзную монополию¹⁰ и проводит общее повышение заработной платы. Единственное, чего он не решает сделать – это отменить декрет, которым «Освободительная Революция» распустила Перонистскую партию. Поэтому перонисты, которые теперь имели возможность действовать открыто, не могли участвовать в выборах под собственными знаменами и выдвигать своих кандидатов.

В экономическом отношении Фрондиси, до выборов выступавший с националистических позиций, начал с того, на чем остановился Перон в 1952 году¹¹. Несмотря на существенный рост легкой промышленности, Аргентина в конце 1950-х все еще оставалась производителем продуктов питания и импортером горючего, капитального оборудования и промежуточных товаров для нужд своей обрабатывающей промышленности. Фрондиси стремился финансировать индустриальный рывок с помощью иностранного капитала, чтобы провести форсированную модернизацию в металлургии, нефтепереработке и нефтехимии – и покончить с моделью развития, основанной на сырьевом экспорте. Правительство Фрондиси привлекало на аргентинский рынок транснациональные корпорации, но при этом сам рынок был защищен высокими протекционистскими барьерами, что создавало оптимальные условия для экспансии этих компаний, гарантированной накопленным спросом, с одной стороны, и олигополистическим контролем, с другой¹².

Одновременно с привлечением иностранных инвестиций правительству нужны были ресурсы, чтобы развивать инфраструктуру и субсидировать промышленность. Способ, использованный Пероном – извлекать средства из аграрного сектора, – уже не годился; напротив, этот сектор как единственный источник валютных поступлений следовало укреплять, поддерживая высокие цены на его продукцию. В этой ситуации вопрос, за чей счет будет осуществлен намеченный Фрондиси индустриальный рывок, был решен однозначно: путем сокращения зара-

10 Профсоюзная монополия означает, что профсоюз или профцентр полностью контролирует предложение на рынке труда со стороны своих членов.

11 См.: ВОРЖЕЙКИНА Т. *Генерал Перон и справедливость без свободы*. С. 180.

12 LYNCH J. ET AL. *Op. cit.* P. 247.

ботной платы. Способ оказался эффективным: в государственном секторе снижение расходов на заработную плату позволяло увеличивать капиталовложения, а в частном секторе оно повышало прибыли. Проект Фрондиси основывался на допущении, что растущие прибыли будут вести к росту капиталовложений и повышению производительности труда, что в дальнейшем позволит восстановить уровень оплаты платы. В макроэкономическом плане целью этой программы была передача ресурсов из потребления в инвестиции: доля последних в ВВП увеличилась с 17,5% в 1958 году до 21,7% в 1961-м¹³.

Так Фрондиси, который пришел к власти как лидер националистического толка, стремившийся возродить под своим руководством перонистскую социальную коалицию и перетянуть на свою сторону ее сторонников, сделал выбор в пользу противоположного экономического проекта. В декабре 1958 года правительство объявляет согласованный с МВФ план стабилизации экономики, направленный на получение финансовой помощи и уменьшение отрицательного сальдо платежного баланса, унаследованного Фрондиси от предыдущего режима и усугубленного его собственными десарольистскими проектами¹⁴. В июне 1959-го Фрондиси окончательно отстраняет прежнего руководителя экономической политики правительства, сторонника десарольизма Рохелио Фрихерио, и заменяет его человеком прямо противоположных взглядов – Альваро Альсогараем, ярым

защитником частного предпринимательства и рыночной экономики.

Кандидатура Альсогарая, казавшаяся совершенно невозможной для Фрондиси при всей его сверхъестественной политической гибкости и способности постоянно маневрировать между противоположными интересами, послужила очередным доказательством политической беспринципности президента как для его сторонников, так и для противников. В результате изменения экономической политики кризис и рецессия 1959 года привели к сокращению уровня заработной платы на 30% (она восстановится только через десять лет) и вернули частному сектору экономические стимулы, которых он был лишен в течение десяти лет перонистского перераспределения¹⁵.

В этой ситуации важнейшей проблемой для правительства Фрондиси оставались отношения с профсоюзами. После изгнания Перона и в отсутствие легальной политической партии профсоюзные организации превратились в главных и единственных выразителей интересов перонистских масс. По сути, профсоюзы взяли на себя функцию политического представительства перонизма, что наложило отпечаток на всю дальнейшую историю политических институтов и гражданского общества в Аргентине.

В соответствии со своим первоначальным планом Фрондиси пошел навстречу профсоюзам, восстановив на своих постах избранных лидеров и повысив заработную плату. Однако

13 Ibid. P. 254.

14 Десарольизм (от исп. *desarrollo* – развитие) – направление экономической мысли, оформившееся в Латинской Америке в начале 1950-х и связанное с именем аргентинского экономиста Рауля Пребиша, который с 1950-го по 1963 год возглавлял Экономическую комиссию ООН для Латинской Америки. Согласно этой теории, чтобы покончить с отсталостью, периферийные страны мировой экономики должны осуществить индустриализацию под эгидой сильного государства и прибегать к протекционистским мерам на внутреннем рынке.

15 Ibid. P. 250.

с началом экономического кризиса и радикальным изменением экономической политики правительства его требование о замораживании на год заработной платы и «трудоём перемии» оказалось чрезмерным для «62 организаций». Кроме того, каждая попытка Фрондиси умиротворить перонистские профсоюзы вызывала бурные протесты его гражданских и военных противников. Поэтому он попытался совместить стремление к «трудоём перемии» с показательными репрессиями, призванными продемонстрировать политическую твердость.

Забастовка рабочих-нефтяников в Мендосе была подавлена силой, Фрондиси ввел военное положение на тридцать дней, многие рабочие активисты оказались в тюрьме. В ответ «62 организации» призвали к 48-часовой всеобщей забастовке, которую, однако, сами и отменили. Профсоюзные лидеры отдавали себе отчет в хрупкости политической ситуации в стране и старались не доводить дело до открытого столкновения с правительством, чтобы сохранить конституционный порядок и консолидировать свои корпоративные позиции. Позднее, жесткая монетаристская политика Альсогарая, репрессии и экономические тяготы привели к частичной демобилизации и деморализации перонистского ядра профсоюзных активистов.

Другой составляющей политического равновесия, которое должен был поддерживать Фрондиси, были военные. На первых порах президент со свойственной ему политической решительностью попытался изменить соотношение сил внутри военной корпорации и привлечь на свою сторону тех националистически настроенных офицеров, которые стали жертвами чисток в вооруженных

силах при Арамбуру. Это вызвало столь мощный отпор со стороны военного руководства и высших офицеров, что Фрондиси вынужден был отступить и признать существующее соотношение сил в армии, от которого решающим образом зависела стабильность его правительства. После этого уступки нарастающим требованиям военных стали константой политики правительства. В 1960 году Фрондиси капитулировал и под их давлением передал контроль над полицейскими операциями в провинциях в руки вооруженных сил, а также санкционировал военные трибуналы в отношении гражданских лиц, обвиняемых в террористических действиях.

Необходимо напомнить, что начало 1960-х – это время победы кубинской революции и ее растущего влияния на массы, что надолго сделало ее определяющим фактором внутренней политики большинства латиноамериканских стран, в том числе и Аргентины. Фрондиси сначала пытался выступить в роли нейтрального посредника между Кубой и США. В августе 1961 года состоялась его секретная встреча в президентской резиденции в Буэнос-Айресе с Эрнесто Че Геварой. В январе 1962-го на конференции в Пунта-дель-Эсте Аргентина (вместе с Бразилией, Мексикой, Чили, Боливией и Эквадором) воздержалась при голосовании за резолюцию об исключении Кубы из Организации американских государств, что вызвало единодушное осуждение со стороны аргентинских военных и фактически внутренний кризис в Аргентине. После трех суток напряженных переговоров с военными и нарастающего брожения в казармах Фрондиси в очередной раз сдался и подписал декрет о разрыве дипломатических отношений с Гаваной¹⁶.

16 Еще одним внешнеполитическим провалом, пришедшим на годы правления Фрондиси, стало похищение в Буэнос-Айресе нацистского преступника Адольфа Эйхмана, осуществленное «Моссад» в мае 1960 года.

Недоверие военных к политике и личности Фрондиси усиливалось на протяжении всех четырех лет его правления. Атмосфера военно-гражданского заговора, подобная той, которая сложилась накануне свержения Перона, вновь стала сгущаться в Аргентине. Как и Перон, Фрондиси сам дал повод для окончательной развязки. В марте 1962 года состоялись выборы в Палату депутатов Национального конгресса и половины губернаторов провинций. Фрондиси надеялся, что сможет одержать победу, достаточно убедительную для того, чтобы освободиться, наконец, от опеки военных. Для этого он пошел на самый смелый за все время своего правления шаг: частичную отмену проскрипций в отношении перонистов, допуская их участие в выборах под прикрытием провинциальных партий. Одержав победу в честной игре, Фрондиси мог бы рассчитывать, что его партия, Гражданский радикальный союз непримиримых, превратится в реальную альтернативу внушающему всеобщий страх возвращению перонистов к власти. Фрондиси необходим был референдум, из которого он вышел бы гарантом сохранения социального мира и экономического прогресса.

Но этого не произошло. После семи лет проскрипций перонизм вновь подтвердил свой статус главной электоральной силы, завоевав 32% голосов и девять из четырнадцати губернаторских постов,

включая важнейший – пост губернатора провинции Буэнос-Айрес, который выиграл профсоюзный лидер Андрес Фрамини. Реакция командования вооруженных сил не заставила себя ждать: уже на следующий день после выборов, 19 марта 1962 года, они заставили Фрондиси отменить своим декретом результаты голосования в тех округах, где победу одержали перонисты. Тем самым Фрондиси нарушил конституционную присягу и сам подорвал законность собственного пребывания у власти. Через десять дней он был свергнут в результате военного переворота.

Так 29 марта 1962 года «в атмосфере всеобщего безразличия закончилась самая смелая и новаторская попытка решить проблемы Аргентины после Перона; за четыре бурных года Фрондиси стремился повторно инкорпорировать перонистские массы в политическую жизнь и запустить новую фазу индустриализации»¹⁷. Проекты, которые Фрондиси продвигал в промышленности, образовании, культуре, положили начало модернизационным сдвигам в аргентинской экономике и обществе. Но одновременно, как показала последующая история Аргентины, закрылось последнее окно возможностей для того, чтобы осуществить переход к «тяжелой» фазе индустриализации в условиях хотя и ограниченной, но демократии. Дальше эту задачу пытались решать военные диктатуры.

То, что для Израиля выглядело как справедливое возмездие за преступления против человечности, в Аргентине было воспринято как недопустимое и унижающее нарушение суверенитета страны, даже не поставленной в известность об акции, которая проводилась на ее территории.

17 Ibid. P. 254.